

УДК 821
ББК 83

ИЗОБРАЖЕНИЕ ДЕТСТВА И ЮНОСТИ В ТАТАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И СОВРЕМЕННОСТИ

Р. Х. Шарьяфетдинов

Аннотация. *Статья посвящена истории обращения к образу ребенка, мотивам детства и юности в истории татарской литературы: в Средневековье (на примере поэмы Кул Гали (XIII) «Кысса-и Йусуф» («Сказание о Йусуфе»)) и произведениях татарской литературы современности. Рассмотрено обращение авторов к мифопоэтическому образу ребенка в раскрытии аспектов воспитания, продолжения рода и передачи культурных и языковых традиций.*

Ключевые слова: *татарская литература, современная татарская проза, культура, мифопоэтика, миф, средневековье, Кул Гали.*

IMAGE OF CHILDHOOD AND YOUTH IN THE TATAR LITERATURE OF THE MIDDLE AGES AND THE PRESENT

R. Kh. Sharyafetdinov

Abstract. *The article is devoted to the history of the appeal to the image of the child, the motive of Childhood and Youth in the history of Tatar literature: in the Middle Ages (on the example of the poem Kul Gali (XIII) "Kissa-i Yusuf" ("The Legend of Yusuf")) and works of Tatar literature of the present. to the mythopoetic image of the child in revealing the aspects of education, procreation and the transfer of cultural and linguistic traditions.*

Keywords: *Tatar literature, modern Tatar prose, culture, mythopoetics, myth, middle ages, Kul Gali.*

Татарский поэт Кул Гали (XIII), основоположник булгаро-татарской литературы, своим творчеством заложивший традиции не только в средневековой, но и новейшей татарской литературе. Десятки поколений татар воспитывались на примере главного героя его выдающегося произведения – «Кысса-и Йусуф» («Сказание о Йусуфе»), завер-

шенного автором 12 мая 1233 г., – Йусуфа (Иосифа Прекрасного в Ветхом Завете, пророка Йусуфа – в Коране), находя в нем образец «олицетворения веры, правды, стойкости, цельности, неподкупности». Произведение, дошедшее до нас в более 170 (!) списках татарских переписчиков, а позже в Казани за менее чем один век поэма издавалась около 80 раз.

Как отмечает А. Тагиржанов, «по своему значению Кул Гали не уместается в рамках лишь татарской литературы Поволжья, а входит в золотой фонд сокровищниц культуры всего Востока» [14, с. 138].

Сюжет, взятый в основу поэмы, – один из плодотворнейших в мировой литературе, берет начало в мифологии народов Ближнего Востока, включен в Библию и Коран. Воспеваемые Кул Гали ценности имеют всеобъемлющий общечеловеческий характер, независимо от национальной или религиозной принадлежности читателя. Поэма проповедует гармонию взаимоотношений между старшими и младшими, отцами и детьми, мужчиной и женщиной, а герой представляется примером поведения в различных, самых трудных жизненных ситуациях.

Особую роль в поэме играют картины детства, юности Йусуфа, с которых, собственно, и начинается сюжет поэмы, который сфокусирован вокруг главного героя произведения и прослеживает его судьбу («Как его братья зло с ним поступить смогли, / Как он владыкой стал Египетской земли...» [6, с. 23]) до момента его смерти.

Раскрывая трудную судьбу главного героя, испытывавшего предательство братьев, продавших его, автор утверждает, что наилучший для народа правитель – понимающий и испытывший на себе трудности и лишения жизни бедняков.

Катастрофа человеческих судеб, разлуки отца Йакуба и сына Йусуфа – высокие образы, нравственные идеалы и примеры взаимоотношений, которые раскрыл Кул Гали в своей известной восточной поэме для своего народа на многие века.

В семье отца Йакуб (Иакова), в которой насчитывалось 12 братьев, среди которых самым благочестивым и самым любимым был Йусуф (Иосиф). Картины детства героя представлены в поэме не столь широко, как трудная последующая судьба Йусуфа, однако же, по нашему мнению, имеют важную функциональную роль и показывают становление личности героя, ту обстановку и взаимоотношения в семье, в которой он вырос и воспитался.

Предполагая, что прототипами героя поэмы были Иосиф Прекрасный – в Ветхом Завете, он же пророк Йусуф – в кораническом повествовании, мы осознаем определенный отпечаток праведности юноши, его избранности среди других людей. В этом ключе интересно пронаблюдать картины детства героя в Ветхом Завете и Коране, которые описывают взаимоотношения в семье Иакова (Йакуба), признаки избранности Йусуфа, появление и развитие зависти и ненависти братьев, и наконец, продажу героя в рабство, когда начинаются «взрослые» испытания юноши.

В библейской традиции Иаков, после смерти во время родов его супруги Рахили, испытал много скорби от «буйных сыновей, которые вели себя в земле обетованной, как бы в земле приобретенной завоеванием» [12, с. 14]. В то время как бывшие по преданию пастухами братья находились на пастбищах, с престарелым отцом неотлучно находился от этого, возможно, и ставший любимым младший сын, «прекрасный душой и телом» Иосиф. Росший глубоко религиозным человеком, Йусуф (Иосиф) находил свое призвание и наслаждение в уходе и услужении престарелому отцу. Так, главный герой рос в обстановке религиозного смирения, искренней веры, что в дальнейшем не могло не сказаться на его личных качествах, «в душе его падало слово благочестия, как падает семя в тучную Землю, и скоро принесло плод: засияла в душе Иосифа святая чистота» [12, с. 15], особой любви и привязанности к нему отца, который дарит ему одежду пестрой расцветки, до сегодняшнего дня распространенной на Востоке, и последовавших вслед за всем этим зависти и ревности остальных братьев.

По мнению толкователей, пестрая одежда – это символическое выделение праведности Иосифа из числа всех братьев, что, в свою очередь, усугубило негативные чувства братьев к нему: братья возненавидели Иосифа, который, не понимая настроений братьев, с характерной ему доверчивостью открывает им, не тая ничего из своих мыслей, рассказывает им свои сны о

том, что снопы, связанные братьями, поклонились перед снопом, связанным Иосифом, и о том, что солнце, луна и одиннадцать звезд поклонились ему, что усилило ненависть братьев к нему, а отец останавливает его не только чтобы уберечь его от возможных высокомерных мечтаний, но и оградить Иосифа от зависти и ненависти братьев. Таким образом, второй сон был известен только Иакову, что отличает библейскую легенду от «Кысса-и Йусуф», в которой автором вводится дополнительный персонаж – взятая Иаковом на воспитание девочка, которая и передает сон Иосифа братьям. Умножившиеся в братьях ненависть и зависть к Иосифу Прекрасному предопределили их предательство и последующие за этим испытания Иосифа Прекрасного.

Коранические строки истории Йусуфа (сура 12) – это не столько рассказ, как в Ветхом Завете, сколько символическая проповедь или аллегория, в которой нет столь подробного повествования, а каждый стих для полного понимания требует отдельного толкования.

Семнадцатилетний Йусуф, старший сын Рахили, жены Иакова, рассказывает отцу о своем сне, который не был обычным сном в его возрасте. Этот сон стал началом тернистого пророческого пути. Отличающийся честностью, правдивостью и благочестием, Йусуф показан, как и в Библии, любимым сыном Иакуба, за что братья питали к нему ревность и ненависть. Будущее юноши, описанное в чудесном сне: возвышение в праведности над родителями (Солнце и Луна) и братьями (11 звезд), однако не повлияло на любовь и уважение к родителям и к братьям. Понявший значение сна пророк Иакуб опасался ревности братьев и предупредил его, чтобы он не говорил братьям, способным задумать зло против будущего пророка.

Представленные в кораническом повествовании младший сын Иакуба – Бениамин и Йусуф были кровными братьями, мать которых умерла во время родов. Отец особенно заботился о них двоих. Кроме того, Йусуф был единственным сыном, в котором он видел задатки благочестия. Рев-

ность братьев и ненависть к младшим братьям противопоставили десятерых сильных мужчин не только против 17-летнего Йусуфа и ребенка Бениамина, но и в некотором смысле против отца – Иакуба, они не понимали, почему он предпочел подростка и маленького мальчика мужчинам, которые могут быть полезными в хозяйстве и в случае нападения врагов.

Задуманное убийство Йусуфа видится братьям решением несправедливого, по их мнению, отношения отца. Братья убеждены в том, что после преступного достижения цели – убийства ненавистного брата – всегда есть возможность покаяться в грехе и очиститься, тем самым вернуть любовь отца.

Представленные картины детства в Ветхом Завете, Коране и поэме «Кысса-и Йусуф» восходят, по нашему мнению, к общим корням: «Многие традиционные образы, сравнения, метафоры и символы восходят к общим корням – и в письменном, и народном творчестве. Благодаря этому общие художественные приемы и общая система образов оказываются не только между фольклором иной народности, но и разных народностей» [8, с. 98].

Близкие по сюжету источники не только дают нам биографию героя, но и носят в себе и функциональную роль в сюжете произведения. Герой поэмы «Кысса-и Йусуф» – праведник Иосиф Прекрасный (Йусуф) с самого детства обладал чертами избранности среди других людей, а многочисленное обращение к данному образу и в художественной литературе народов России сделало его дидактическим примером для подражания читателей.

Традиционализм татарской литературы выявляется в обращении к детству и юности в общем и образу ребенка в частности. Продолжая проблематику литературы Средневековья, аспекты взаимоотношений между различными поколениями, вопросы воспитания, мысли о будущем татарской нации нашли широкое отражение и в современной татарской литературе.

Семья, являющаяся важной частью во всей системе традиционного воспитания в

культуре татар, широко представлена не только в истории татарской литературы, но и в произведениях конца XX – начала XXI в. [2, с. 16]. Так, в литературе XX в. семья – место, где закладываются нравственные основы человека, формируются понятия добра и зла, чести, совести, ответственности, любви. В творчестве казанского поэта Николая Беляева, к примеру, много стихотворений нравственно-психологической направленности («Восемнадцать раз рожать детей», «Детское», «– На-ка, покажи! – и нагловатый...»), в которых отразились как личные воспоминания автора о детских годах (прогулках с отцом), общей истории нашей страны («Памяти архиерея Августина»), так и о формировавшихся в детстве понятиях и терминах.

Мифологический образ «отца» связан в народной культуре с процессом инициации героя (чаще мужского пола) и примирения с архетипичным «врагом» – отцом. Согласно общей схеме мифа, герой после прохождения им обряда инициации и посвящения должен примириться с отцом, то есть получить признание со стороны отца-созидателя. В случае непризнания отца герой изгоняется или погибает. Кроме того, отец выступает в жизни сына в качестве человека, устанавливающего связь с людьми и обществом, а «утрата отца и жизнь без отца расценивается как разрыв связей с человеческим обществом. Обжигающая пустота на месте отсутствующего отца – это рана в сознании каждого героя» [10, с. 223]. Сын в татарских паремиях – это продолжатель рода, наследник, будущий хозяин [15, с. 18], в языке выявляется положительное отношение семьи невестки к зятю, который сравнивается с дорогими вещами, за которыми требуется деликатный подход («Кияү – камчат бүрек» («Зять – бобровая шапка»); «Кияү – кеш тун» («Зять – норковая шуба»)), особое авторитет и уважение в семье имеет отец (Ата хакы – Тәңре хакы / Право отца – право Всевышнего).

Особое значение в процессе воспитания и образования приобретают в татарской литературе образы отцов (Г. Исхаки, Ф. Карими, Ф. Амирхана, А. Расих и т.д.) и матерей (Г. Исхаки, Дерменда, Х. Такташа,

А. Кутуя, Х. Туфана и т. д.). В данном контексте образ матери – один из главных в культуре татарского народа и татарской литературы. Образ матери – священный для человека, не остается вне литературных произведений и начала XXI в. Автобиографический рассказ Р. Мухамадиева «Счастье наших матерей» (1998) завершается словами о том, что «Секрет наших матерей, видимо, в глубокой привязанности к родному дому, к родной земле. Они больше, чем кто-либо другой, чувствует ее тепло и берегут. Матери – хранительницы наших корней и теплового семейного очага, ведь пока живы наши мамы, мы – все еще дети» (пер. Р. Мир-Хайдарова) [9, с. 170]. Для татарского поэта Р. Миннуллина образ матери неразрывным образом связан с системой образов Родины, родного края: «Должно быть, и вы об этом селе // Слышали кое-что?... // Мама моя проживает здесь, // И в этом слава его!» (ст. «Мое село» перевод М. Ямалова).

С образом матери связано также древнее поверье о материнском проклятии, основанном на праве «материнского молока», поэтому сила его такова, что оно может быть снято лишь в день «Страшного суда» [11, с. 292]. Проклятие матери, по представлениям многих народов, могло привести к неотвратимой трагедии (Молдавская эпическая поэма «Богатырь и змей», болгарская юнацкая песня «Марко Королевич освобождает три вереницы пленников», славянские баллады о дочке-пташке и др.). Женщина как в исламе в целом, так и в татарской культуре – хранительница домашнего очага, от которой во многом, кроме всего, по представлениям народа, зависит религиозность, воспитанность и образованность детей. Не случайно татарском байте «Сок-Сок» дети, проклятые матерью, не ропщут на нее, а объясняют то, что с ними произошло, своими собственными поступками и божественной предопределением. Наряду с этим священная семантика образа матери связана также и с семантикой оберегающей силы в широком смысле. В рассказе Ильдара Абузярова «Последняя лиственница...» утверждается: «Твой [героини]

голос – ничто против голоса наших матерей. Ведь они матери» [1, с. 133].

Мифологическое сознание современной татарской прозы находит отражение и в своеобразной структуре архетипического образа Матери в романе Г. Гильманова «Албастылар». В повести А. Гилязова «В пятницу вечером» жизнь героини Бибинур тесно связана с ее детьми, которые хоть и уехали, но занимают знаковое место в жизни, судьбе матери. Многие свои решения Бибинур принимает с оглядкой на реакцию детей, как они отреагируют, что скажут. Так, она отказывается от предложения пойти работать уборщицей: «Не могу. Если дети услышат, что пошла в уборщицы... Не хочу, говорю, огорчать их... А насчет того, что знают или не знают они, у них своя жизнь, Асмабика, а у меня своя... Вот так вот» [4, с. 81]; отказывает предложившему ей жить вместе Галикаю – дети могут не понять. Бибинур воспринимает то, что дети ее бросили, как собственное наказание: «Если меня дети и бросили – значит, заслужила». Не замечая своего собственного горя, она беспокоится за других людей: «Вот только душа болит у меня, что тебя [Гайшу] они забыли» [4, с. 178]. Героиня Гилязова представляется идеалом татарской женщины, матери. Р. Кутуй так охарактеризовал данный образ: «Старушка Бибинур – прекрасная героиня, по-другому и не мыслю. Прекрасная! Она само душевное расположение ко всему живому, бегущему и ползающему, чем заполнен мир. Она – праведница с открытым лицом и в самую тяжелую минуту, в любое время жизни. Женщина со своей тайной любви, со своей тайной не только в сокровенном чувстве, но и в широком смысле доброго желания. Ее добро постоянно, не избирательно, она и явилась на свет, чтобы отдавать, ничего не прося взамен» [7, с. 92].

Главная героиня романа Г. Ш. Яхиной «Зулейха открывает глаза» (2017) выросла в традициях уважения и почитания родителей, по заветам которых она трудолюбива и совестлива, помнит и выполняет их наказ: «Работай, Зулейха, работай. Как там мама говорила» [17, с. 43]. В рассказе И. Абузярова «Последняя лиственница среди лип, пер-

вая лиственница среди берез» главная героиня, которая не может иметь детей, обращается к священной лиственнице с просьбой об объекте ее материнской любви – важнейшего, по мнению автора чувства. В данном рассказе раскрывается трагедия бездетности в жизни женщины.

Образ матери включает гуманистический пафос романа «Единственная и неповторимая» М. Кабирова, где безразличие к матерям и испытывание их терпения рано или поздно может настичь человека гневом небес. «В романе целостно-смысловым ядром всей концепции произведения становится утверждение о том, что Бог – это Добро и Зло в одном человеке. Человек сам своими поступками выбирает их этих двух противоположностей то, что он действительно заслуживает. В мире, погрязшем в грехе, человек может спасти себя только сам, беречь тот свет, который изначально есть в нем, и противостоять тотальной темноте окружающей жестокой действительности, – в этом святая миссия каждого отдельного человека. Эта идея заключена в историях матери, ее сыновей и “судьи”» [16, с. 25]. Таким образом, в романе М. Кабирова материнский гнев воплощается в образе неземной силы, которая проснулась на острове в облике женщины и впоследствии превратилась в мифическое чудовище, и дает возможность сыновьям старушки Фатимы уйти с острова в том случае, если они не превратят найденное золотое яблоко в яблоко ссоры и раздора. Как отмечает Л. Н. Юзмухаметова, в раскрытии сюжетного замысла романа автор использует символы и образы, элементы фольклора, мифы, сны, переплетение прошлого и настоящего и т. п.

Важной частью жизни женщины и семейной жизни в тюркской культуре являются дети. В романе «Иго. Татарский роман» (2018) дети характеризуются по разному: внук – «улада души» [3, с. 62], дочь – «дочь без отца, что конь без узды» [3, с. 68], в произведении Р. Зайнуллы «Шах-Али» герой повести называет своих детей «свет моих очей» [13, с. 303].

Воспитанные в традициях культуры татарского народа (обычай и правила, песни и

танцы, уважения к старшим и т. д.), татарские дети приобретают знаковое место в рассказе Р. Мухамадиева «Саня». Интересно, что, наряду с этим, в современной татарской лирике образ ребенка символически связывается с образом родника. Такого рода сравнения мы находим в стихотворениях Ильсияр Иксановой (Гариповой Ильсияр Вазиховны (1966 г.р.)) «В ожидании ребенка», Салиха Маннапова (Валеева Мударриса Харисовича (1953 г.р.)) «Беззаботные берега».

Татарский писатель Р. Мухамадиева в рассказах «Ранняя осень в деревне», «Жук», «Удравший балеш» и др. понимает вопросы современного молодого поколения, которое отличается душевным эгоизмом, неискренностью, холодностью. В творчестве автора обретают особое звучание традиционные,

испокон веков чтимые ценности – любовь, семья, ребенок – слагаемые хронотопа Дом. По мнению другого видного деятеля татарской литературы, Аяза Гилязова, «в жизни человека, в формировании его характера и в его будущей судьбе важное место занимает семья» [5, с. 240].

Образ ребенка и детства, процесс воспитания подрастающего поколения, передачи опыта занимает знаковое место не только в татарской литературе Средневековья, носящей зачастую дидактическую функцию, но и во всей истории татарской литературы, литературы XX в. и современности, поднимающих злободневные вопросы взаимоотношений между поколениями, воспитания и сохранения культурно-языковой идентичности в XXI в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абузяров И.* Концерт для скрипки и ножа в двух частях: сб. М.: Изд-во «Э», 2017.
2. *Бакирова Г. Р.* Отражение семейно-обрядовых отношений в пословицах и поговорках курганских татар и башкир // Вестн. Челябинского гос. ун-та. 2007. № 22. С. 17–21.
3. *Гази Р.* Иго. Татарский роман. Кн. 1. М.: ЛитРес: Самиздат, 2018.
4. *Гилязов А. М.* В пятницу вечером // Гилязов А. М. Три аршина земли; В пятницу вечером: повести. Казань: Магариф, 2008. С.178–186.
5. *Закиржанов Ә. М.* Киер каз юлы // Закиржанов Ә. М. Рухи таяныч: әдәби тәнкыйть мәкаләләре. Казан: Татар. кит. нәшр., 2011. б. 240–241.
6. *Кул Гали.* Сказание о Йусуфе / пер. С. Иванова. Казань: Татарское киж. изд-во, 1985.
7. *Кутуй Р.* Что за зеркалом? // Аяз Гыйләжев: Истәлекләр / төз. И. Гыйләжев. Казан.: Татар. кит. нәшр, 2006. С. 92–98.
8. *Лихачев Д. С.* Развитие русской литературы X–XVII веков. Л., 1973.
9. *Мухамадиев Р.* Свои люди. Избранное. М.: Изд-во Дружба литератур, 2012.
10. *Сергеева Е. Н.* Мифопоэтическая картина мира и ее трансформация в авторском сознании (творчество А. Платонова рубежа 20–30-х гг.) // Литература: миф и реальность. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004. С. 223–226.
11. Татар халык иҗаты: Риваятләр һәм легендалар төз., иск. эзер. һәм кереш сүз авт. С. З. Гыйләжетдинов. Казан: Татар. кит. нәшр., 1987.
12. *Святитель Игнатий (Брянчанинов).* Аскетические опыты. Т. 2. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 1998.
13. Полуденный закат: Современная проза татарских писателей / пер. с татар. Г. Хасановой. Казань: Татарское книж. изд-во, 2006. 303 с.
14. Поэт-гуманист Кул Гали. Сб. ст. Казань: Татарское книж. изд-во, 1987.
15. *Хузина Э. С.* Репрезентация гендерных стереотипов в татарском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2012.
16. *Юзмухаметова Л. Н.* Постмодернизм в татарской прозе: диалог с западными и восточными художественными традициями: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2014.
17. *Яхина Г.* Зулейха открывает глаза / предисл. Л. Улицкой. М.: АСТ, 2016.

REFERENCES

1. Abuzyarov I. *Kontsert dlya skripki i nozha v dvukh chastyakh*. Moscow: Izd-vo "E", 2017.
2. Bakirova G. R. Otrazhenie semeyno-obryadovykh otноsheniy v poslovitsakh i pogovorkakh kurganskikh tatar i bashkir. *Vestn. Chelyabinskogo gos. un-ta*. 2007, No. 22, pp. 17–21.
3. Gazi R. *Igo. Tatarskiy roman. Vol. 1*. Moscow: LitRes: Samizdat, 2018.
4. Gilyazov A. M. V pyatnitsu vecherom. In: Gilyazov A. M. *Tri arshina zemli; V pyatnitsu vecherom: povesti*. Kazan: Magarif, 2008. Pp. 178–186.
5. Zakirjanov Ə. M. Kier kaz yuly. In: Zakirjanov Ə. M. *Rukhi tayanych: ədəbi tənkyyt' məkalələre*. Kazan: Tatar. kit. nəshr., 2011. Pp. 240–241.
6. Kul Gali. *Skazanie o Yusufe*. Kazan: Tatarskoe kizh. izd-vo, 1985.
7. Kutuy R. Chto za zerkalom? In: Ayaz Gyyłəjev: İstəleklər. Kazan: Tatar. kit. nəshr, 2006. Pp. 92–98.
8. Likhachev D. S. *Razvitie russkoy literatury X–XVII vekov*. Leningrad, 1973.
9. Mukhamadiev R. *Svoi lyudi. Izbrannoe*. Moscow: Izd-vo Druzhba literatur, 2012.
10. Sergeeva E. N. Mifopoeticheskaya kartina mira i ee transformatsiya v avtorskom soznanii (tvorchestvo A. Platonova rubezha 20–30-kh gg.). In: *Literatura: mif i realnost*. Kazan: Izd-vo Kazan. un-ta, 2004. Pp. 223–226.
11. Tatar khalyk ıǵatı: Rivayatlar hshchm legendalar töz., isk. əzer. həm keresh syz avt. S. Z. Gyyłəjetdinov. Kazan: Tatar. kit. nəshr., 1987.
12. Svyatitel Ignatiy (Bryanchaninov). *Asketicheskie opyty. Vol. 2*. Moscow: Izd-vo Sretenskogo monastyrya, 1998.
13. Poludenny zakat: Sovremennaya proza tatarskikh pisateley. Kazan: Tatarskoe knizh. izd-vo, 2006. 303 p.
14. Poet-gumanist Kul Gali. Sb. st. Kazan: Tatarskoe knizh. izd-vo, 1987.
15. Khuzina E. S. Reprezentatsiya gendernykh stereotipov v tatarskom yazyke. *Extended abstract of PhD dissertation (Philology)*. Kazan, 2012.
16. Yuzmukhametova L. N. Postmodernizm v tatarskoy proze: dialog s zapadnymi i vostochnymi khudozhestvennymi traditsiyami. *Extended abstract of PhD dissertation (Philology)*. Kazan, 2014.
17. Yakhina G. *Zuleykha otkryvaet glaza*. Moscow: AST, 2016.

Шаряфетдинов Рамиль Хайдарович, кандидат филологических наук, доцент Кафедры русской литературы XX–XXI веков Института филологии Московского педагогического государственного университета

e-mail: rkh.sharyafetdinov@mpgu.su

Sharyafetdinov Ramil Kh., PhD in Philology, Associate Professor, Department of Russian Literature of XX–XXI Centuries, Moscow Pedagogical State University

e-mail: rkh.sharyafetdinov@mpgu.su

Статья поступила в редакцию 16.09.2019

The article was received on 16.09.2019